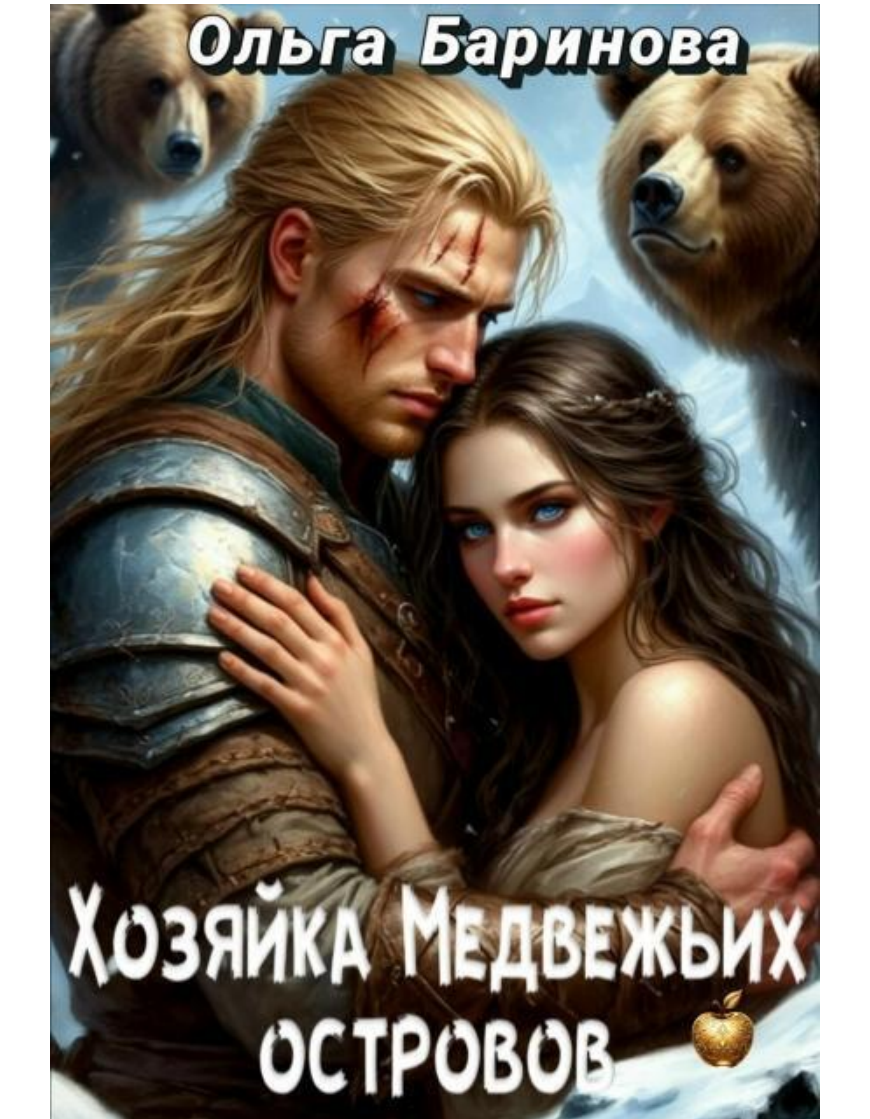

Ольга Баринова

**ХОЗЯЙКА МЕДВЕЖЬИХ
ОСТРОВОВ**

Ольга Баринова

Хозяйка медвежьих островов

<https://litres.ru/74254714>

Аннотация

Милану, дочь северного вождя, бросил жених у алтаря. Ее зверь — бурая медведица — не пробудился в срок, а в мире оборотней это приговор. Бесплодная. Пустая. Ни на что не годная. Чтобы спасти честь рода, отец отправляет ее на священные Медвежьи острова — место, откуда никто не возвращается.

В тексте есть: страсть и магия, оборотни, истинная пара

Не забудьте добавить книгу в библиотеку, чтобы не потерять, и пожалуйста, оцените историю лайком-звездочкой. А если нравится мое творчество, и вы хотите больше таких историй - подпишитесь!

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	19
ГЛАВА 4	25
ГЛАВА 5	30
ГЛАВА 6	34
ГЛАВА 7	40
ГЛАВА 8	45
ГЛАВА 9	50
ГЛАВА 10	55
ГЛАВА 11	60
ГЛАВА 12	69
ГЛАВА 13	74
ГЛАВА 14	79
ГЛАВА 15	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

ПРОЛОГ

Мерзлая земля пахла морошкой. И в этот сладкий, терпкий аромат вплетался тошнотворный, металлический вкус крови. Его собственной крови.

Яромир лежал, намертво прикованный к базальтовой плите, где каждое звено было покрыто рунами, которые жгли шерсть и въедались в кожу, напоминая, что отныне для всех он опасное чудовище.

...Они нашли его таким. Огромным белым медведем, лежащим среди трупов, с пустыми глазами и кровью на морде...

...Яромир помнил только вспышку собственной ярости — всего лишь мгновение, когда увидел, как чужак поднимает топор над головой его отца. Как другой тащит за собой младшую сестру, намотав на кулак ее длинные косы. Он хотел отшвырнуть врагов, заставить их отступить. А вместо этого зверь внутри него будто сорвался с цепи — не медведь, нет, нечто большее, нечто древнее, нечто, помнящее времена, когда люди еще не научились говорить.

Это была страшная бойня, но его звериная ипостась тогда спасла Клан Льда от истребления, хотя врагов было в десятки раз больше. Казалось, Яромир разметал их за несколько минут — время рассыпалось в прах вместе с его рассудком. Белый Медведь, рвал врагов когтями и клыками, не чувствуя

усталости, не слыша собственного рыка. Их было тридцать, потом сорок, потом он перестал считать.

А потом раздался крик.

— Стой! Яромир, остановись!

Он обернулся и увидел. Болеслав лежал на снегу, зажимая рану на бедре. Его глаза смотрели на старшего брата — удивленные, не верящие, что опасность пришла от того, кто был ему ближе всех на свете.

Зверь внутри взвыл от ужаса — впервые Белый Медведь испугался самого себя. Цепь, которую он держал так долго, лопнула, оставив в душе зияющую рану, которую ничем не зашить.

Яромир припал к земле, покрытой чужой и своей кровью, и зарычал по-звериному, пытаясь вернуться в человеческий облик...

С тех пор прошел полный лунный месяц, а он так и смог обернуться. Превратился в зверя, опасного и для чужих, и для своих...

Яромир пытался — все это время, сжимал мышцы, выворачивал позвоночник, звал свое человеческое тело — но оно не приходило. Будто зверь, наконец дорвавшись до свободы, отказался отпускать добычу...

...Над медведем склонились три шамана. Их лица были покрыты магическими символами, в руках — кинжалы с лезвиями из обсидиана. Большой бубен, обтянутый оленьей кожей и украшенный колдовскими знаками, глухим звуком

откликнулся на ритмичные удары Верховной. Закружившись в диковинном танце, шаманы начали напевать странные, непривычные для человеческого уха мелодии, вызывая у присутствующих состояние, близкое к гипнотическому. Заклинание Обуздания сорвалось с их губ гулом древних духов — низким, грудным, заставляющим вибрировать сам воздух.

Пространство вокруг Яромира сгустилось, стало вязким, как смола. Ему казалось, что с него живьем сдирают шкуру — нет, не шкуру, а самую суть, самого зверя, который был частью его плоти и духа с самого рождения.

— Во имя равновесия, — воскликнула Верховная, и ее голос разнесся над поляной, заставляя вибрировать сам воздух. — Во имя крови предков.

Яромир дернулся. Цепи звякнули, руны вспыхнули синим, и боль пронзила его от морды до кончиков когтей.

— Я же спас вас всех, — попытался крикнуть он, но из медвежьей пасти вырвался только хриплый, низкий рык.

Это был вопль чистого, первобытного бешенства, крик хищника, которого загоняют в клетку. В последней, отчаянной вспышке агонии, зверь все же вырвался из него — неконтролируемый и опасный.

Исполинский белый медведь поднялся на задние лапы.

Он был огромен — выше любого зверя, которого видели эти льды. Его шерсть светилась в сиянии, как свежий снег, а глаза горели безумием. Зверь зарычал — и от этого рыка

треснул лед под ногами Верховной.

Но магия шаманов была сильнее.

Невидимые цепи обвили его лапы, морду, грудь. Они сжимались, врезались в плоть, заставляя зверя вновь распластаться по базальту.

Старший шаман вскрикнул и его кинжал вошел медведю в основание шеи.

Медведь снова зарычал — не столько от боли, сколько от унижения. Лезвие не убивало, оно входило, вырезая на коже магическую печать, горячую и пульсирующую, которая вплавлялась в мышцы, в кости, в самую суть зверя, скручивая его, усыпляя, обездвиживая.

Второй кинжал — под лопатки.

Третий — в крестец.

Мир сузился до боли, до цепей, до этих черных лезвий, которые оставляли на неподвижном теле огненные росчерки. Яромир чувствовал, как зверь внутри него сжимается, как он царапается, огрызается, пытается вырваться — и не может.

Печать замкнулась.

— Да будет так, — пропела Верховная.

И голоса колдунов вторили ей.

Яромир почувствовал, как внутри него захлопнулось невидимая, тяжелая дверь. Зверь затих, свернулся в тугой клубок глубоко-глубоко, там, где кончалась боль и начиналось ничто.

Цепи ослабли, но он не двигался.

Тело было чужим, тяжелым, мертвым. Медведь лежал на базальтовой плите, глядя в небо, на котором пылало северное сияние, и не чувствовал ничего.

Ни холода. Ни боли. Ни надежды.

— Погрузите его на ладью, — сказала Верховная. — Такого зверя печати долго не удержат.

Несколько человек попытались поднять его. Кровь от еще не заживших ран оставляла на снегу черный след. Северное сияние — прекрасное в своем равнодушии — полыхало над головой, заливая изумрудным светом это жуткое действо, выхватывая из темноты неподвижную огромную тушу.

Яромир не мог сопротивляться, он даже не закрыл глаза. Просто лежал и смотрел на небо — зеленое, живое, свободное.

Оно было последним, что зверь видел перед тем, потерял сознание.

Тьма сомкнулась над ним, тяжелая и беззвучная, не обещающая ни снов, ни пробуждения.

Но глубоко внутри, под тоннами льда, крови и древней магии, в сердце чудовища, которое они заперли, еще теплилась искра человечности.

Искра, которая не желала умирать.

ГЛАВА 1

Милана стояла на коленях у алтаря.

Несколько минут или вечность — она не могла точно сказать. Потеряла счет времени в тот миг, когда тяжелые дубовые двери главной залы закрылись за спиной девушки, отрезая путь к отступлению.

Перед ней возвышался Камень Предков — огромный, черный, иссеченный рунами валун, принесенный сюда ледником тысячу лет назад. На его вершине горела жертвенная чаша, и дым от священных трав — можжевельника, багульника, сушеной брусники — поднимался к потолочным балкам, смешиваясь с запахами пота, воска и старого меда.

Зал был полон.

Весь клан — от древних старух, помнивших еще прадеда Миланы, до младенцев на руках у матерей — собрался здесь.

Девушка чувствовала эти веселые, любопытные взгляды на своей спине, на затылке, на обнаженной шее. И не поднимала головы. Ей было страшно.

Свадебное платье — серебристая парча, расшитая жемчугом и тонкими нитями серебра — давило на плечи. Мать сшила его прошлой зимой, вкладывая в каждый стежок надежду, которой у нее самой уже почти не осталось. Милана помнила, как они сидели вдвоем у печи долгими вечерами — мать с иглой, она с мерной лентой. Как уютно гудел очаг,

как трещали поленья, а за окном выла вьюга.

Мама почти не разговаривала в те вечера — только изредка вздыхала, будто не желая расставаться со старшей дочерью.

Рукава платья были длинными, до самых пальцев, с кружевными манжетами, которые Милана подшивала сама — мелкими, аккуратными стежками, заговаривая каждый на счастливую жизнь.

«Как у тебя получилось?» — смеялась младшая сестра Мирослава, такая же черноволосая, но с зелеными глазами, как у бабушки. Они были неразлучны с детства — спали в одной постели, делили на двоих одну куклу, а потом одного жениха. Не всерьез, конечно, в шутку. Мирослава дразнила ее: «Ишь, какого красивого отхватила! Смотри — отобью!» И хохотала, запрокидывая голову, так что звон разносился по всему дому.

Милана тогда отмахивалась, краснела, кидала в сестру подушкой. Но в глубине души знала — Мирослава права, многие девушки клана мечтали бы оказаться на ее месте. Радогор и правда красивый.

Он был высок и широкоплеч, с разворотом груди, который делал его похожим на молодого быка, готового бодаться до смерти. Черные длинные волосы падали на спину, обрамляя лицо, словно вырезанное из камня — острые скулы, тяжелый подбородок с ямочкой, сжатые губы, которые так редко улыбались.

Но главное — глаза.

Серые, как зимнее море перед бурей. В них не было тепла — только лед, расчет и что-то еще, тщательно спрятанное глубоко внутри. Жестокость? Или усталость от того, что все женщины смотрят на него одинаково — со смесью страха и вожделения?

Сейчас жених Миланы стоял справа от алтаря, в трех шагах от нее, одетый в черный кафтан с серебряной вышивкой, отороченный соболями. На пальцах — тяжелые кольца, на поясе — кинжал с рукоятью из моржовой кости.

Отец Миланы — старый вождь Богдан — стоял слева от нее, с каменным лицом. Он смотрел на дочь, а на алтарь, на дым... На что угодно, только не на нее.

— Встань, дитя! — прошепел голос за спиной невесты.

Это был знахарь. Он служил при храме шестьдесят лет и видел больше обрядов, чем кто-либо в этом зале.

— Встань! — повторил он тише, так, чтобы слышала только она. — Время пришло.

Милана поднялась.

Колени затекли, и она едва не упала, ухватившись за край алтаря. Пальцы скользнули по холодному камню.

Милана выпрямила спину.

Теперь все видели лицо невесты — бледное, с темными кругами под глазами, с губами, которые она, от волнения, искусала в кровь. Милана негнушима пальцами расплела косы, и распустила длинные черные волосы, как требовал

обычай, которые упали на плечи тяжелой, почти траурной волной.

— Род Бурых Медведей, — голос знахаря разнесся под высокими сводами залы, заставляя смолкнуть даже шепот. — Мы собрались здесь, чтобы засвидетельствовать союз двух сильнейших домов Севера. Дома Богдана, вождя Бурых, и дома Радогора, наследника Южных Земель.

Он сделал паузу.

— Но прежде чем кровь смешается с кровью, прежде чем зверь примет зверя, природа должна дать свое благословение. Невеста призовет свою истинную сущность. Она явит нам зверя, который будет делить с ней жизнь, трон и смерть.

Тишина стала плотной, как вода перед штормом.

— Милана, дочь Богдана, — знахарь повернулся к ней, и его мутные глаза впервые за долгие годы показались ей почти сочувствующими. — Призови своего зверя.

Невеста сделала шаг вперед, к Камню. К своей судьбе.

Милана знала, что должна делать, повторяла это мысленно тысячу раз, просыпаясь по ночам в холодном поту. Опуститься на колени. Коснуться рун ладонями. Открыть ту самую дверь внутри — ту, за которой ждала ее бездна.

И позвать.

— Зверь мой, — прошептала она, касаясь холодного камня. Пальцы задрожали. — Я зову тебя. Выходи.

Ничего.

Руны молчали. Камень был холодным, мертвым, как все

в этом зале.

Милана вдохнула. Выдохнула. Представила, как шерсть прорастает сквозь поры, как кости ломаются и срастаются заново, как внутри нее распускается бутон — огромный, темный, опасный.

— Выходи, — сказала она громче, и голос дрогнул. — Я знаю, что ты там. Я чувствую тебя. Ты просто боишься. Не бойся. Я с тобой.

В зале кто-то засмеялся. Коротко, нервно.

Мать Миланы — Верея, стоявшая в первом ряду среди женщин — побледнела так, что стала блее своего мехового воротника.

— Зверь мой, — Милана почти кричала теперь, вцепившись ногтями в камень. — ПРОСНИСЬ!

ГЛАВА 2

Ничего.

Пустота внутри девушки не шелохнулась. Она была такой же огромной, такой же черной, такой же молчаливой, как и всегда. Ни искры. Ни шороха. Ни намека на жизнь.

Милана упала на колени.

Не потому, что так требовал обряд. А потому, что ноги перестали держать.

Она не плакала. Слез не было. Был только холод — такой глубокий, такой всепоглощающий, идущий изнутри, из самой этой проклятой пустоты, которая наконец победила.

— Она пуста! — крикнул кто-то в тишине — Никчемная.
«Пуста...»

Слово повисло в воздухе, как приговор.

Радогор шагнул вперед.

Милана не поднимала головы, но слышала его шаги — тяжелые, ритмичные, как удары топора. Он остановился прямо перед ней, заслоняя свет факелов.

— Посмотри на меня, — сказал он.

Девушка подняла голову.

Его лицо оставалось красивым. Тяжелая челюсть, высокий лоб, глаза цвета серого кремня. Но сейчас в них не было ничего — ни гнева, ни разочарования, ни даже жалости.

Только холод.

— Ты обманула меня, — сказал Радогор тихо, но так, что слышали все. — Ты обманула мой клан. Ты обманула этих людей.

— Я не... — начала невеста, но он перебил.

— Ты обещала мне зверя. Ты клялась на крови, что он придет. Где он, Милана?

Он наклонился, и его лицо оказалось в дюйме от ее.

— Где твой медведь?

Девушка молчала. Что она могла сказать?

— Ты — пустой сосуд, — ответил жених за нее. — Бесплодная ветвь. Ошибка природы, которую мой отец должен был заметить, прежде чем связываться с твоим родом.

Он выпрямился и повернулся к залу.

— Я, Радогор, наследник Южных Земель, отказываюсь от этой женщины.

Зал взорвался.

Гул голосов — удивленных, возмущенных, злорадных — ударил в уши, как стена. Кто-то кричал, что это позор. Кто-то — что Радогор прав. Женщины закрывали лицо руками. Мужчины хватались за оружие.

А Милана стояла на коленях у алтаря и смотрела, как рушится мир.

Отец вышел вперед. Его лицо было пепельно-серым.

— Радогор, — сказал он, и голос его звучал так, будто он перекачивал во рту битое стекло. — Мы можем решить это иначе. Милана — не единственная моя дочь. Если ты

откажешься от нее, союз между нашими кланами...

— Союз?

Радогор засмеялся — сухо, жестко, без тени веселья.

— Какой союз, Богдан? Твоя дочь не может родить наследника. И ты это видишь.

Отец молчал. Он смотрел на дочь — и в его глазах Милана увидела то, чего боялась больше всего.

Стыд.

— Что с ней делать? — раздалось из зала.

— Изгнать! — ответил другой голос.

Звучный, властный. Знахарь поднялся со своего места, опираясь на посох.

— Так велит закон. Изгнать из семьи и клана, тогда младшая дочь сможет занять ее место и союз будет заключен.

— Отправить на Медвежьи острова, — добавил кто-то — Пусть духи решают ее судьбу.

Милана в ужасе зажмурилась

Медвежьи острова.

Она слышала о них с детства — место изгнания, место смерти, место, откуда не возвращаются.

Говорили, что там нет ни еды, ни крова, только лед, скалы, ветер и одиночество, от которого сходят с ума.

Говорили, что духи островов пожирают души изгнанников.

Девушка открыла глаза и посмотрела на мать.

Верее стояла в первом ряду, прижимая ко рту платок. Ее

глаза были красными, но она не плакала. Женщины их рода не плакали на людях.

— Мама, — прошептала Милана одними губами.

Мать покачала головой. Один раз. Едва заметно.

«Ничего не могу сделать».

— Решено, — голос отца прозвучал как удар грома.

Он опять не смотрел на дочь. На старейшин, на гостей, на кого угодно, только не на дочь.

— Милана, отныне безродная, завтра на рассвете ты отправишься на Медвежий острова. Да примут тебя духи.

Мир окончательно рухнул.

Чьи-то руки — грубые, чужие — схватили ее за плечи, подняли с колен. Свадебное платье волочилось по каменному полу, собирая пыль и солому. Кто-то плюнул ей под ноги.

Милана не сопротивлялась.

Внутри нее, по-прежнему было пусто.

На пороге, уже у выхода, девушка услышала голос Радогора — тихий, почти ласковый, обращенный к ее отцу.

— Приведи свою младшую дочь, о великий и справедливый вождь. Дай мне жену с настоящим зверем. И я сочту условия договора выполненными.

Дверь закрылась.

...Та ночь длилась вечность.

Милану бросили в подвал — холодный, сырой, пахнущий мышами и гнилой соломой.

Она сидела в углу, обхватив колени руками, и смотрела в

стену.

Ни слез. Ни мыслей. Ни страха.

Только пустота.

...В полночь дверь скрипнула.

ГЛАВА 3

Девушка подняла голову и увидела мать.

Верея стояла на пороге, кутаясь в темную шубу, с узелком в руках. Ее лицо было мокрым от слез — наконец-то она могла плакать, никто, кроме Миланы, не видел.

— Доченька, — прошептала она, падая на колени рядом и обнимая девушку — Прости меня. Прости.

— За что, мама? — голос Миланы был чужим, безжизненным.

— За то, что не смогла защитить. За то, что позволила ему... — Верея всхлипнула. — Я знала, что он не любит тебя. Знала, что он жестокий. Но твой отец... клану необходим этот союз. Он сказал, что так будет лучше для всех.

Она хотела еще что-то сказать, но замялась, и тогда Милана поняла: мать пришла не только прощаться.

— Говори, — сказала Милана. — Все равно хуже уже не будет.

Верея опустила взгляд. Пальцы ее теребили край шубы — нервно, мелко, словно она боялась говорить.

— Мирослава... — начала она и запнулась.

У Миланы похолодело внутри.

— Что с ней?

— С ней все хорошо, — быстро сказала мать. — Даже лучше, чем хорошо. Сегодня... сегодня, когда тебя увели,

она вышла к алтарю.

— Зачем? — голос Миланы стал тихим, почти шепотом.

— Радогор... Он потребовал замену. Сказал, что союз между кланами должен состояться, и раз ты пустая, пусть твоя сестра займет твое место. Отец согласился.

Тишина. Такая плотная, что можно было резать ножом.

— И она согласилась? — спросила Милана.

В голосе не было боли. Только холодное, ледяное любопытство. Она прикоснулась к бусинам браслета, который сестра надела на нее перед обрядом. Свадебный подарок.

— Она... — Верея замялась. — Ее зверь проснулся, Милана. Прямо у алтаря. Бурая медведица — крупная, сильная, красивая... Радогор... Он смотрел на нее так, как никогда не смотрел на тебя.

Мать замолчала. Потом добавила тихо, почти беззвучно:

— Сейчас они в его покоях. Она назвала его мужем.

Милана зажмурилась.

Перед внутренним взором встала картина — Мирослава, которая смеялась и в шутку дразнила ее: «Какого красивого себе отхватила! Смотри — отобью!»

Сестра не шутила. Она ждала своего часа.

— Я не виню ее, — сказала Милана, открывая глаза — Она сделала то, что сделала бы любая на ее месте.

— Но она предала тебя, — прошептала мать. — Мы все тебя предали.

— «Да, — подумала девушка — И теперь вы будете жить

с этим!»

Но в слух ничего не сказала.

Вереея зарыдала — уже не тихо, не стыдливо, а навзрыд, как баба у колодца. Она обняла дочь, прижала к себе, зашептала что-то бессвязное, просящее прощения, отчаянное.

Милана не плакала. Она сидела в материнских объятиях, прямая, как кол, и смотрела в стену. Внутри, в ее душе, менялось — пустота наполнялась. черной, тягучей, как смола, решимостью.

«Хорошо, Мирослава, — подумала она. — Живи мою жизнь. Спи в моей постели. Зови его мужем. И будь счастлива!»

— И что теперь? — спросила Милана вслух.

Мать отстранилась. Ее глаза — голубые, такие же, как у дочери — горели отчаянным огнем.

— Теперь ты будешь бороться, — сказала она твердо. — Ты не пустая.

— Тогда почему ритуал не сработал?

— Этого я не знаю... Но я носила тебя под сердцем, я чувствовала твоего зверя — он есть. Он просто спит. Слишком глубоко. Но на островах... на островах все может измениться.

Она развязала узелок. Внутри лежали: теплые шерстяные носки, краюха хлеба, горшочек с горячим мясным рагу, головка сыра, охотничий нож с костяной рукояткой и амулет — маленькая фигурка медведицы с тремя глазами.

— Это оберег моей матери, — сказала Веря, надевая амулет на шею Миланы. — А до нее — ее матери. Он защищает тебя там, где я не смогу.

— Мама...

— Ничего не говори.

Веря поцеловала ее в лоб, и губы ее были горячими, солеными от слез.

— Ты вернешься. Я знаю. И когда ты вернешься, ты будешь сильнее всех их.

Она встала.

— А теперь поешь горяченького и отдыхай. Вот, укройся моей шубой. У тебя есть несколько часов до рассвета. Потом за тобой придут.

Веря быстро поцеловала дочь и убежала вся в слезах, не оглядываясь.

Милана осталась одна.

Она поела, свернулась в клубочек на куче соломы, укрывшись теплой шубой, но так и не смогла заснуть. Лежала в темноте, прижимая к груди узелок, и впервые за этот долгий, страшный день почувствовала глухую, темную, древнюю злость, которая шевелилась в глубине пустоты, как спящий вулкан.

«Я вернусь», — подумала она, глядя на полоску рассвета, пробивающуюся сквозь щель в стене.

«И когда я вернусь, они пожалеют о том, что так обошлись со мной»

За дверью заскрежетал засов.

...Корабль пах смертью. Этот запах — ржавая вода, гнилые доски, чужая моча в углах трюма — вьелся в ноздри Миланы еще на рассвете, когда ее бросили на дно рыбацкой посудины, даже не дав попрощаться с родными берегами. Она не видела, как тает в тумане поселок. Не видела, как мать стоит на причале, маленькая и одинокая. Не видела, как Мирослава, молодая жена Радогора, наблюдает из окна спальни — с облегчением или с болью, не важно.

Все это осталось там. На суше. В прошлой жизни.

Здесь, в трюме, была только тьма, вонь и мерный, убаюкивающий скрип досок.

Милана закрыла глаза и попыталась ни о чем не думать. Не думать о том, что ее зверь не пробудился. Не думать о странных словах матери. Не думать о том, что сестра теперь спит в ее постели с ее женихом. Не думать о том, как холодна была сталь на наручниках, когда стража вела ее к причалу.

Не думать. Просто плыть.

Ночью внезапно налетел шторм — как все штормы на Севере, без предупреждения, без пощады.

Сначала поднялся ветер. Он налетел на корабль с такой силой, что паруса лопнули, как перетянутые струны, и мачта жалобно застонала, готовая рухнуть. Потом волны — черные, огромные, с белыми гребнями, похожие на лапы великанов, бьющих по днищу.

Корабль дернулся, завалился на бок, и раздались крики.

— Вода! Вода идет!

Милану швырнуло в стену. Голова треснулась о дерево, перед глазами вспыхнули звезды. Кто-то наступил ей на руку, кто-то отпихнул, пробираясь к лестнице.

— Наверх! — раздался голос капитана — Все наверх! Корабль тонет!

Милана не помнила, как выбралась на палубу. Помнила только холод — такой лютый, что он обжигал легкие, превращая каждый вдох в удар ножом в грудь. Ледяная вода хлестала по лицу.

А потом пришла волна.

ГЛАВА 4

Волна была выше мачты. Выше домов родного поселения. Выше всего, что Милана видела в своей жизни. Черная, тяжелая, живая, она накрыла корабль, как медведь накрывает лапой зайца.

Мир перевернулся.

Вода заполнила рот, нос, уши. Она была ледяной — такой холодной, что тело перестало чувствовать боль. Только тьма. Только тишина. Только пузырьки воздуха, поднимающиеся вверх, туда, где больше не было света.

Милана тонула.

И знала это. Чувствовала, как легкие горят, как сердце отбивает последние удары, как пустота внутри нее начинает расширяться, заполняясь водой, холодом, концом.

«Так вот как это бывает,» — подумала она, теряя сознание.

А потом — вспышка.

Тепло.

Оно пришло от груди, от амулета матери, костяной медведицы с тремя глазами. Медальон вспыхнул, согревая замерзшую плоть, разгоняя тьму, заставляя сердце биться снова.

И сквозь шум воды, сквозь боль, сквозь предсмертную тошноту Милана услышала голос.

Глубокий. Хрипловатый. Мужской.

— Не смей умирать! Ты нужна мне.

Милана не знала этот голос. Но тело знало — каждая клетка, каждый дюйм замерзшей кожи отозвались на него дрожью, которая не была страхом.

А потом тьма сомкнулась, и она провалилась в сон.

Ей снилось золото.

Живое, текучее, как мед на солнце. Оно стекало по стенам, по полу, по телу незнакомца, который стоял перед ней в тумане.

Девушка не видела лица — только плечи, широкие, как скалы; руки, сильные, с длинными пальцами; и грудь, покрытую шрамами.

Он был огромен, выше всех мужчин, которых она знала. И в нем было что-то звериное — в том, как он двигался, как дышал, как смотрел на нее глазами, скрытыми тенью.

— Кто ты? — хотела спросить Милана, но губы не слушались.

Мужчина шагнул ближе. Золото текло по его телу, собираясь каплями на ключицах, на животе, на бедрах.

— Ты знаешь, — сказал он, и голос его был таким же, как там, в воде — низким, хрипловатым, от которого внутри все переворачивалось.

Девушка не знала. Но ее руки потянулись к нему сами, будто не слушаясь разума. Ладони легли ему на грудь — горячую, живую, с сердцем, которое билось так сильно, что

удары отдавались в ее пальцах.

— Я ждал тебя, — прошептал незнакомец, наклоняясь.

Его дыхание коснулось ее щеки — теплое, с запахом меда и снега.

— Зачем? — выдохнула Миланв.

Мужчина не ответил. Вместо этого его губы нашли ее шею — нежно и трепетно.

Милана выгнулась, впиваясь пальцами в его плечи. Золото текло по ней, по ее рукам, по груди, по животу, оставляя на коже теплые, пульсирующие следы. Девушка чувствовала его всего — огромного, сильного, опасного. Чувствовала, как руки мужчины скользят по ее спине, прижимая ближе, спускаются ниже, как его дыхание сбивается, как он дрожит — так же, как и она.

— Проснись, — прошептал незнакомец вдруг, отстраняясь. — Проснись. Твой корабль утонул. Но у тебя еще есть шанс спастись.

Милана хотела спросить, что это значит. Хотела схватить его за руку, удержать, заставить остаться.

Но мир поплыл, золото померкло, и мужчина растаял в тумане, оставив после себя только запах — меда, снега и чего-то еще, дикого, первобытного, звериного.

Девушка открыла глаза.

Над ней было небо — серое, низкое, с рваными облаками. Снег падал на лицо, таял на губах, смешиваясь с соленым привкусом морской воды.

Милана лежала на песке. Черном, вулканическом, перемешанном со льдом. Вокруг — скалы, острые, как зубы, и море, которое все еще рычало, но уже не пыталось убить.

Она была одна.

Ни корабля. Ни людей. Ни криков.

Только ветер. Только холод. И странное, тянущее тепло между ног — там, где во сне прикасались руки незнакомца.

Милана села, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Тепло помнило его — каждое прикосновение, каждый вздох, каждую дрожь. Но разум отказывался верить.

— Это был просто сон, — сказала она вслух, и голос прозвучал хрипло, чуждо. — Просто сон перед смертью.

Но внутри нее — там, где раньше была только пустота — теперь пульсировало что-то живое. Что-то, похожее на желание и надежду.

Милана не знала, кто он. Не знала, существует ли он на самом деле или был лишь видением, посланным умирающим мозгом.

Но она знала одно — они еще обязательно встретятся.

...Девушка брела по берегу как сомнамбула.

Ноги подкашивались, пальцы онемели от холода, а тонкая рубашка и мамина шуба — единственное, что осталось на ней после кораблекрушения — покрылись ледяной коркой, которая резала кожу при каждом движении. Ветер выл в скалах, бросая в лицо снег пополам с солью, и Милане казалось, что она идет не по земле, а по дну ледяного моря, где нет ни

жизни, ни надежды.

Амулет матери грел грудь — маленький, упрямый огонек среди всеобщей смерти, не давая окончательно замерзнуть. Она прижимала его ладонью, когда становилось совсем невыносимо, и шептала слова, которым мать научила ее в детстве. Слова, которые напоминали о доме.

Дом был далеко. Вернее, дома больше не было.

Вдруг Милана заметила пещеру, в которой можно было укрыться, и направилась туда. Она даже не заметила, как перестала слышать море. Как ветер стих. Как мир замер в странном, напряженном ожидании.

А потом она почувствовала аромат.

ГЛАВА 5

Мускус. Кровь. Мед. Древняя сила, от которой волосы на затылке встали дыбом, а сердце пропустило удар.

Девушка обернулась.

Белый медведь стоял на вершине скалы, и восходящее солнце светило сквозь его шерсть, делая ее почти прозрачной, призрачной. Зверь был огромен — больше любого зверя, которого она видела. Больше, чем должны быть медведи. Больше, чем природа позволяла.

Милана замерла. Белые медведи смертельно опасны как для людей, так и для других медведей. Для всего живого.

Каждая клеточка ее тела кричала: «Беги!» — но ноги приросли к земле, потому что другая часть ее — та, глубокая, где спал зверь — шептала: «Стой. Это он.»

«Он? Кто — он?»

Она не успела додумать.

Медведь прыгнул.

Огромная белая туча пронеслась в двух шагах, обдав ее ветром и снегом, и приземлилась на берегу, перекрывая путь к отступлению.

Зверь не нападал. Он просто стоял между ней и морем, огромный и опасный.

И смотрел.

Милана попятилась. Медведь шагнул вперед. Она — еще

шаг. Он — еще.

Так они двигались по берегу — она, дрожащая от холода и страха, и он, белый, безмолвный, неотвратимый, как сама смерть.

А потом он потянулся к ней.

Огромная, покрытая шрамами морда приблизилась к ее руке, туда, где на запястье тускло блеснул тонкий серебряный браслет — подарок Мирославы, который сестра надела ей перед самой церемонии, смеясь и целуя в щеку.

«Чтобы ты меня не забыла» — сказала тогда Мирослава.

Медведь чихнул. Громко, по-звериному, так что Милана отшатнулась. А потом его зубы — огромные, белые, страшные — сомкнулись на браслете.

Одним движением он сжал челюсти.

Серебро хрустнуло, как сухая ветка.

Браслет разорвался на две половинки, бусины упали в снег.

Милана смотрела на обломки, не веря своим глазам. Этот браслет был последним, что связывало ее с сестрой.

Последним подарком. Последним «прости» или «прощай» — она так и не поняла.

Медведь поднял голову и посмотрел ей в глаза.

Милана хотела что-то сказать. Возразить. Закричать.

Но мир поплыл перед глазами. Слабость, которую она сдерживала последние часы, навалилась разом — кораблекрушение, холод, отчаяние. Колени подогнулись.

Она упала в снег.

Но перед тем, как провалиться в темноту, она почувствовала, как огромное, теплое тело прижимается к ней. Как медведь поддевает ее мордой, переворачивает на спину, а потом осторожно, бережно берет зубами за воротник рубашки и закидывает себе на спину.

Милана ощущала, как они поднимаются. Все выше и выше, на скалу. Туда, откуда он пришел.

Снег охлаждал руки. Ветер выл в ушах. Но тепло — звериное, живое, пульсирующее — проникало сквозь ледяную корку рубашки, согревая, не давая умереть. От мерного покачивания она задремала...

...Очнулась от тепла. Осмотревшись по сторонам, девушка поняла, что находится в огромной пещере. Каждый камень, каждый выступ ее покрывали руны — вырезанные тысячу лет назад, затянутые льдом, но живые. Они пульсировали слабым голубоватым светом, когда ветер снаружи менял направление, и затихали, когда наступала тишина. Некоторые символы Милана узнала — защита, граница, сон. Другие были чужими, древними, написанными на языке, который забыли даже старейшины.

В центре пещеры, прямо под естественным отверстием в своде, через которое падал лунный свет, лежал плоский камень — жертвенник. Темный, базальтовый, его поверхность хранила следы крови: старые, черные пятна, которые не смылись веками. На нем стояла каменная чаша, внутри кото-

рой до сих пор тлели угли — никто не разжигал их, но они горели, будто сам воздух пещеры был топливом для этого огня.

Рядом лежали шкуры — волчьи, оленьи, чьи-то еще — пахнущие дымом и зверем.

Милана лежала на них, прикрытая сверху тяжелым и теплым. Еще одной шкурой? Она не поняла. Не было сил думать.

Рядом, у входа в пещеру, сидел он — белый медведь.

Он не смотрел на нее, а глядел на выход, туда, где медленно угасал день и зажигались первые звезды. Но его уши были повернуты в ее сторону — слушали. Ждали.

Милана попыталась сесть и не смогла. Тело отказывалось подчиняться — слишком долгий холод, слишком много потерь.

И тут она она почувствовала сладкий, медовый запах.

Она повернула голову.

Рядом, на плоском камне, лежало испускающее золотистый свет яблоко.

ГЛАВА 6

Яблоко мягко светилось, и словно просило: «Возьми меня!»

Милана взяла. И руны запели.

— Что? — прошептала девушка, садясь на шкурах.

Медведь повернул голову к стене, туда, где руны горели ярче обычного — не тусклым, замерзающим светом, а живым, пульсирующим, как кровь в открытой ране.

Милана встала. Ноги дрожали, но держали. Она подошла к стене и провела пальцами по рунам.

Они были теплыми.

— Ты показываешь мне их? — спросила она у медведя.
— Ты хочешь, чтобы я прочитала?

Он медленно кивнул.

— Ты не так прост, как кажешься, правда? — она склонила голову к плечу, рассматривая огромного зверя, — меня зовут Милана, я дочь... Была дочерью вождя клана Бурых. Слышал о таких?

Медведь снова кивнул.

Милана прищурилась, вглядываясь в древние символы. Часть из них она знала — основы, которые учила в детстве, когда мать заставляла ее запоминать родовые знаки. Но большинство были чужими, забытыми, написанными на языке, который умер еще до рождения ее прабабки.

И все же — они говорили с ней.

Не словами. Образами.

Она коснулась первой руны, и перед глазами вспыхнула картина: две луны — белая и черная — сталкиваются в небе, рассыпаясь тысячами осколков. Осколки падают на землю и превращаются в медведей. Белых и черных. Первых. Древних. Сильных.

— Это легенда о создании, — прошептала Милана. — О двух родах.

Вторая руна показала ей войну. Белые и черные медведи рвут друг друга на льду, кровь заливает снег, и черных становится все меньше. Последний из них падает на колени, и белый — тот, что победил — наклоняется к нему, чтобы добить.

Но не добивает. Он протягивает лапу. Помогает встать.

— Союз, — выдохнула Милана. — Они заключили союз. И заплатили за это...

Третья руна была страшной. Черного медведя заковывают в цепи из магии, которая высасывает силы. Его отправляют на острова.

В изгнание. Навечно.

— Черный род проклят, — прочитала Милана, и голос ее дрогнул. — Заперт на краю земли. До тех пор, пока не явится та, кто сможет... — она замолчала, потому что следующее слово не поддавалось переводу.

Медведь зарычал — тихо, гортанно. Он подошел ближе и

ткнулся мордой в ее ладонь, заставляя коснуться четвертой руны.

И Милана поняла.

— Это же пророчество. Пока не явится та, кто сможет разбудить спящего, — прошептала она, чувствуя, как по спине бежит холод. — Не зверя — зверь уже здесь. А душу внутри зверя. Ту, что забыла, как быть человеком.

Она обернулась к медведю.

Он стоял неподвижно, но его глаза — ледяные, белые, пу-
гающие — теперь смотрели на нее выжидающе. Как поте-
рянный на ту, кто может указать путь домой.

— Это ты, — сказала Милана. — Ты — тот белый мед-
ведь из легенды. Или твой предок. И ты... — она запнулась,
но руны уже вели ее дальше, заставляя читать то, что было
вырезано тысячу лет назад. — Ты ждешь черную. Древний
союз должен восстановиться. Две крови — белая и черная
— должны смешаться. И тогда...

Она коснулась последней руны. И замерла.

— И тогда печать падет. Зверь обретет покой. Человек
вернется. А плод, разделенный на двоих, станет началом но-
вой крови.

— Плод, разделенный на двоих, — повторила Милана, и
рука ее сжала золотое яблоко. — Ты знал. Ты все знал. По-
этому ты притащил меня сюда. Поэтому ты ждал.

Медведь шагнул вперед. Его огромная морда оказалась в
сантиметре от ее лица. Он выдохнул — тепло, с запахом меда

и снега — и Милана вдруг поняла, что этот запах она уже чувствовала.

Во сне. В том золотом сне, где незнакомец с широкими плечами и шрамами на груди шептал ей: «Я ждал тебя ...»

— Это был ты, — прошептала она, и голос ее сорвался.
— Ты приходил ко мне в том сне...

Она не договорила.

Ее пальцы сомкнулись на золотистой коже, она разломила яблоко пополам, впилась зубами в сочную мякоть и протянула зверю его половину. Он осторожно взял кусочек. Огромные медвежьи зубы сомкнулись, и на секунду зверь замер — будто ждал чего — то.

Яблоко хрустнуло.

Сок — янтарный, густой, светящийся — потек по его белой шерсти, смешиваясь со снегом, налипшим на лапах. Он проглотил. Раз. Другой. Третий.

И мир взорвался.

Первая молния ударила изнутри.

Медведь взвыл как будто его разрывали на части. Его тело выгнулось дугой, позвоночник трещал, шерсть вставала дыбом, и сквозь нее, сквозь белую густую шерсть, прорывались золотые нити — тонкие, пульсирующие, как вены, наполненные расплавленным светом.

Вторая молния пришла с неба. Сквозь отверстие в своде пещеры ударил луч — ослепительный, золотой, живой. Он пронзил медведя насквозь, войдя в холку и выйдя из груди,

и тот рухнул на камни, содрогаясь в конвульсиях.

Золотые нити оплели его тело, как паутина. Они впивались в шерсть, в кожу, в мышцы, в кости — перекраивали, перестраивали, переплавляли. Он кричал. Не человеческим голосом — медвежьим, низким, полным такой боли, что у Миланы сжалось сердце.

Она хотела броситься к нему, но не могла двинуться. Ноги будто приросли к полу пещеры.

Она смотрела, как золотые молнии разрывают белого медведя на части — и собирают заново. Как его тело меняется, перетекает из звериного в человеческое и обратно, не в силах остановиться на одной форме. Как шерсть то исчезает, то прорастает снова. Как когти вонзаются в камень, оставляя глубокие борозды.

А сама она ничего не чувствовала.

Ни боли, ни жара, ни молний.

Она посмотрела на свою руку. Обычная, человеческая.

— Как же так? — прошептала она. — Почему со мной ничего не происходит?

И тогда над жертвенником прямо в воздухе вспыхнула последняя руна. Из магического символа прямо на Милану прыгнул жуткий призрак с оскаленной пастью.

Черный Медведь. Огромный, полупрозрачный, сотканный из тьмы и багровых прожилок. Глаза — как раскаленные угли. Когти — как кинжалы. Он зарычал так, что своды пещеры содрогнулись.

— Ты еще не пробудилась!

Милана не успела отшатнуться. Дух ударил ее лапой в грудь, и она отлетела к жертвеннику.

Спина врезалась в холодный камень.

— Плата, — прорычал дух, нависая над ней. — Ты должна заплатить.

Он схватил зубами ее за руку — рывком выдернул вперед, к базальтовой плите. Чаша с углями рассыпалась, магическое пламя охватило жертвенник, Милану и призрака. Все вспыхнуло в один миг. Белый медведь зарычал и бросился к ним, но его отшвырнула внезапно возникшая невидимая преграда.

— Нет! — крикнул Яромир, пытаясь встать, но его тело — только что вернувшееся человеческий облик — не слушалось.

Дух не обратил на него внимания. Он прижал запястье Миланы к жертвеннику — и провел когтем.

Кровь хлынула. Алая, горячая, живая — она залила черный камень, потекла на руны, заполнила трещины и выемки. И магические знаки ответили. Они засветились — сначала багровым, потом оранжевым, потом золотым, как само яблоко.

Милана закричала и провалилась сквозь камень.

ГЛАВА 7

Падение длилось как будто вечность.

Милана не чувствовала под собой опоры — ни камня, ни воздуха, ни даже той пустоты, что была внутри нее всю жизнь. Она просто летела сквозь тьму, которая постепенно обретала цвет. Сначала черный — густой, как старая кровь. Потом серый. Потом пепельный.

Она попыталась закричать, но голос умер в горле, потому что вокруг не было ничего, что могло бы донести звук. Не было стен, не было неба, не было земли. Только она — маленькая, потерянная, падающая — и бесконечность.

А потом падение замедлилось.

Милана ударилась спиной о что— то твердое и холодное. Боль вспыхнула в лопатках, прокатилась по позвоночнику и затихла, оставляя после себя тупое, ноющее эхо. Она лежала на боку, судорожно хватая ртом воздух, и чувствовала под щекой мелкую, сухую пыль.

— Вставай, — сказал голос. — Не время лежать.

Она открыла глаза.

Над ней было небо — серое, как пепел, и по нему медленно, лениво плыли облака, похожие на рваные саваны. Не было солнца. Не было луны. Был только ровный, бестелесный свет, льющийся отовсюду и ниоткуда одновременно.

Милана медленно поднялась и осмотрелась.

Она находилась на берегу реки. Но вода в этой реке была черной, как сажа, как уголь, как то, что остается после пожара. И по этой черной воде, не смешиваясь с ней, текли золотые прожилки — тонкие, пульсирующие, похожие на кровеносные сосуды какого-то гигантского, умирающего существа.

— Добро пожаловать в Межмирье, дитя, — произнес голос. Теперь он звучал ближе.

Милана обернулась.

Прямо перед ней, в двух шагах, стояла женщина. Ее лицо было знакомым — те же скулы, тот же разрез глаз, те же губы, которые Милана видела каждое утро в зеркале. Но это была не она. Это была тень. Полупрозрачная, мерцающая, сотканная из серого тумана и воспоминаний.

— Мы так похожи, — прошептала Милана.

Женщина кивнула.

— Меня звали Ульяна, Дочь Гостомысла. Я умерла сто три года назад, рожая твою бабуку. Но здесь, — она обвела рукой берег, реку, пепельное небо, — время ничего не значит.

Милана хотела спросить, зачем она здесь, как выбраться, почему ее зверь молчит — но слова застревали в горле, потому что рядом с прабабкой проступали другие тени. Женщины. Все они были похожи на нее — черные волосы, голубые глаза, острые скулы. Матери, дочери, сестры. Тени умерших женщин ее рода.

Они стояли в ряд, глядя на нее, и молчали.

— Вы пришли забрать меня? — спросила Милана, и ее голос дрогнул.

— Нет, дитя, — ответила прабабка. — Ты пришла к нам сама. Через жертвенник и кровь, да золотое яблоко, которое разломила с проклятым зверем.

— Он не проклятый, — вырвалось у Миланы.

Тени переглянулись.

— Он носит печать, — сказала другая тень, та, что стояла справа. — Его зверь поглотил человека, он опасен и не знает пощады.

— Он спас меня, — тихо сказала Милана. — Он нашел меня на берегу, принес в пещеру, согрел. Он не чудовище.

— Любовь слепа, — вздохнула прабабка. — Но здесь, в Мире Призраков, слепота убивает быстрее, чем клыки.

Она шагнула вперед и протянула руку — полупрозрачную, холодную, пахнущую землей и сухими цветами.

Ее пальцы коснулись щеки Миланы, и девушка почувствовала, как что-то внутри нее сдвинулось.

Это было странное, пугающее ощущение, что ее душа — та самая, которую она носила в себе восемнадцать лет — начала расползаться по швам.

— Что вы делаете? — прошептала Милана, отшатываясь.

— Показываем тебе правду, — ответили тени хором.

И мир взорвался образами.

Она увидела себя со стороны — маленькую девочку, которая играет в снегу с Мирославой. Они лепят медведиц из

снега, и Мирослава смеется: «У твоей нет глаз! Смотри, а у моей есть!» Маленькая Милана смотрит на свою снежную медведицу — и правда, у той нет глаз. Только две черные ямы.

Потом она старше. Ей двенадцать. Она стоит у алтаря, и знахарь говорит: «Призови зверя, дитя». Она зовет. Ничего. Отец отворачивается. Мать кусает губы. Мирослава, которая всего на год младше, вдруг улыбается — торжествуя, зло.

Потом ей семнадцать. Радогор приезжает смотреть невесту. Он смотрит на Милану — и его глаза равнодушны. «Пуста?» — спрашивает он отца. «Знахарь сказал: зверь придет во время ритуала», — бормочет Богдан. «Мне нужны сильные наследники», — отвечает Радогор. Но он все равно берет ее, потому что клану нужен союз. Потому что Милана — старшая, таков обычай.

А Мирослава смотрит из— за угла и прижимает руки к груди — там, внутри, нетерпеливо ворочается ее медведица.

Накануне свадьбы Милана чувствует странное жжение в груди, и сестра надевает ей браслет на руку.

— Не снимай до самого обряда, сестренка, он заговоренный. — и жжение пропадает, оставляя вместо себя странную пустоту.

И вот снова тень, видение — Мирослава, с горящими зелеными глазами и тонкой улыбкой на губах. В руках у нее был браслет — тот самый, который она надела на Милану накануне обряда.

— Ты не достойна его, сестрица, — шепчет Мирослава, и голос ее звучал глухо, будто из — под воды. — Не достойна Радогора. Он будет моим.

Она поднесла браслет к пламени черной свечи.

— Довольно! — закричала Милана, закрывая лицо руками. — Довольно! Это все ложь!

Тени исчезли.

Она снова стояла одна на берегу черной реки. Ее трясло. Из глаз текли слезы — горячие, соленые, такие живые среди всей этой мертвой красоты.

— Это Мир Призраков, — раздался голос прабабки из ниоткуда. — Здесь нет лжи. Только то, что было. Твоя душа будет расслаиваться, пока не останется ничего, кроме правды. Если ты выдержишь — обретешь силу. Если нет — останешься с нами навсегда.

— Как мне выбраться? — крикнула Милана в серое небо.

— Иди по течению реки. Испей из Чаши Предков.

— А белый медведь? — спросила Милана. — Что с ним?

Она поняла, что осталась одна, призраки исчезли, наступила тишина.

И вдруг вокруг нее стал разливаться золотой свет.

ГЛАВА 8

Свет пришел будто бы изнутри. От той странной, зудящей нити, которая появилась на ее запястье, когда она разломила золотое яблоко. Ниточка натянулась, загудела, и Милана услышала знакомый голос — не ушами, не сердцем, а чем — то глубинным, что находилось там, где кончалась плоть и начиналась душа.

«Милана»

Она замерла.

«Ты слышишь меня?»

— Да, — прошептала она. — Да, я слышу.

«Не говори вслух. Просто думай, я почувствую»

— Как это возможно? — подумала она. — Ты же там, в пещере. А я — в Межмирье.

— Вспомни пророчество: мы предназначены друг для друга, — сказал он. — Истинную связь не разделить никому.

— Пророчество? — спросила Милана.

— То, что ты читала на стенах той пещеры. Ты не поняла тогда всех слов, но суть уловила. Древний союз должен восстановиться.

Он поднял руку, показывая ей запястье. Его обвивала пульсирующая золотая нить — такая же, как прожилки в черной реке, такая же, как свет разломленного яблока.

— Эта нить появилась у меня в тот миг, когда ты впер-

вые коснулась жертвенника, — сказал Яромир. — Я почувствовал тебя за сотню верст. Твою боль, пустоту, злость. Я не знал, кто ты, но знал — ты та, кого я ждал.

— Ты ждал меня? — переспросила Милана.

— Даже когда был зверем. Даже когда печать душила меня. Где — то в глубине, там, где кончался зверь и начинался человек, теплилась мысль: «Она придет. Ты должен выжить, чтобы встретить ее».

Он повернулся к ней, осторожно взял ее лицо в ладони.

— А потом ты разломила яблоко. Волшебное яблоко, которое росло на этом острове тысячу лет, впитывая магию предков и кровь проклятых. Его нельзя было съесть в одиночку — только разделить на двоих, только с тем, кто предназначен судьбой.

— Я не знала, — прошептала Милана.

— Знала, — возразил он. — Твоя душа знала. Поэтому ты не испугалась, когда я, огромный зверь, принес тебя в пещеру. Поэтому ты протянула мне половину... Потому что на уровне истины, на уровне древней магии, мы уже были связаны. Яблоко только закрепило эту связь.

— И что теперь? — спросила она.

— Теперь мы — одно целое, две половины одной души. Самая древняя магия Севера. Сильнее, чем печати шаманов, кровные узы или сама смерть.

Милана закрыла глаза, и в темноте увидела его.

Он стоял в золотом мареве, в пустоте, сотканной из света.

Его тело было человеческим — наконец — то, полностью человеческим. Широкие плечи, узкие бедра, грудь, покрытая шрамами, которые светились изнутри, как потухшие угли, в которых еще теплится жар. Длинные светлые волосы падали на спину, смешиваясь с золотыми прожилками, которые пульсировали в такт его сердцу.

«Он так прекрасен» — подумала она, и не удержала эту мысль.

Он усмехнулся — уголками губ, одними глазами. В его взгляде были тепло и что — то еще, отчего у Миланы перехватило дыхание.

Он шагнул ближе. Его образ стал ярче, плотнее, почти осязаемым. Милана ощущала его как реального человека. Почувствовала запах меда и снега. Жар, исходящий от его тела. Даже биение сердца — ровное, сильное, успокаивающее.

— Кто ты? — спросила Милана.

— Меня зовут Яромир, я старший сын вождя клана Белых Медведей. — и он рассказал ей свою страшную историю. — ...А потом Верховной жрице было явлено видение, что спасти меня может только истинная любовь. Большого она не знала, поэтому меня отправили на Медвежьи острова, где магия прародителей должна была мне помочь... И вот ты пришла и вернула мне человеческий облик.

Милана слушала и слезы струились по ее щекам. Сколь же всего довелось перенести этому храброму и гордому воину!

Меж тем он поднял руки и ласково провел ладонями по ее щекам, вытирая слезы.

Милана вспыхнула, по позвоночнику пробежала дрожь, и она невольно выгнулась, прижимаясь щекой к его несуществующей ладони.

— Не оставляй меня здесь одну, — прошептала она.

— Я всегда с тобой, — ответил он.

Его руки скользнули ниже — по шее, по ключицам, по плечам. Он обнял ее, прижимая к своей груди, и Милана почувствовала, как его дыхание — теплое, прерывистое — касается ее макушки.

— Ты вся дрожишь... — Он наклонился и поцеловал ее.

— Мне страшно...

— Знаю. Но теперь ты не одна.

Его губы — горячие, требовательные — прижались к ее, и Милана забыла, где находится. Забыла про черную реку, про тени предков, про расслаивающуюся душу. Остались только он, его руки на ее талии, и тот низкий, гортанный стон, который он издал, когда она вцепилась пальцами в его плечи.

— Ты вернешься ко мне, — сказал он твердо — Я не позволю тебе здесь пропасть. А когда вернешься...

Он медленно провел пальцами по ее губам...

Золотое марево померкло, и Милана снова стояла одна на берегу черной реки. Чувство одиночества накрыло ее с головой. Она обняла себя за плечи.

— Иди, — вдруг раздался голос прабабки, появившейся

из— за спины. — Первое испытание ждет тебя у Озера Сомнений. Иди, пока ты еще помнишь, кто ты.

Черная река текла справа от нее, золотые прожилки пульсировали в такт ее сердцу, вдалеке раскинулось круглое озеро, и где— то далеко, на грани слышимости, она уловила его голос:

«Я с тобой. Всегда»

Она улыбнулась — впервые с того момента, как упала в этот мертвый мир — и повернула к озеру.

ГЛАВА 9

Озеро встретило ее тишиной.

Милана стояла на его берегу и не могла отвести взгляд от гладкой, как полированный обсидиан, идеально круглой поверхности. Лед здесь не походил на обычный — мутный, с трещинками, присыпанный снегом.

Нет, этот лед был идеально— ровным, прозрачным, как слеза, и таким чистым, что под ним, на глубине нескольких саженей, она различала странные силуэты.

Лица.

Сотни лиц застыли под ледяной коркой, глядя вверх пустыми, ничего не выражающими глазами. Они не двигались и не дышали. Но Милана почувствовала — они ждали именно ее. Ждали, когда она ступит на лед, чтобы заговорить, чтобы утянуть ее вниз, в черную, ледяную бездну.

— Озеро Зеркал, — произнесла прабабка, появляясь справа. Теперь она была не одна — с ней стояли две другие тени, которых Милана не узнала. — Здесь хранятся все отражения, которые когда— либо видел мир.

— Что я должна сделать? — спросила Милана, не отрывая взгляда от льда.

— Перейти на другую сторону, — ответила прабабка. — Проще простого.

Она усмехнулась, и ее полупрозрачное лицо исказилось

grimасой, похожей на боль.

— Лед будет трескаться под твоими ногами при каждом твоём сомнении. При каждом твоём страхе. При каждой мысли, что ты чего — то недостойна. Если ты упадёшь — озеро заберет тебя навсегда.

— А если я дойду? — спросила Милана, хотя уже знала ответ.

— Тогда ты узнаешь, кто ты на самом деле, — сказала прабабка. — Не та, кем тебя видят другие. А та, кем ты сама выбрала быть.

Призраки исчезли.

Милана снова осталась одна.

Она сделала глубокий вдох. Воздух здесь, в Мире Призраков, был странным — сухим, безвкусным, почти невесомым. Он не пах ни хвоей, ни снегом, ни морем. Он не пах ничем. Будто сама природа забыла, каким должен быть воздух. Только пепел бесконечно сыпал с серого неба.

— Ну что ж, — сказала она себе. — Не впервой.

И шагнула на лед.

Первые десять шагов дались легко.

Лед был твердым, холод пробивался сквозь тонкие подошвы сапог, но Милана почти не чувствовала его. Золотая нить согревала, придавала сил, не позволяла отступить.

Она шла медленно, осторожно, стараясь не думать ни о чем. Просто смотреть под ноги и переставлять их одну за другой. Левая. Правая. Левая. Правая.

Но на одиннадцатом шаге лед под ней изменил цвет.

Из прозрачного он стал мутным, а под ним, в глубине, начало проступать лицо. Лицо Мирославы — такое, каким она была в детстве: круглощекое, с ямочками на щеках, с зелеными глазами, которые смотрели на старшую сестру с обожанием.

— Милана, — прошептало лицо. — Помнишь, как мы играли в снежки? Ты всегда проигрывала. Потому что была медленной и неуклюжей.

Милана замерла.

— Ты не специально, — продолжала Мирослава. — Просто ты такая, всегда была такой. Пустышка — неудачница.

— Замолчи, — тихо сказала Милана.

Лед под ее правой ногой треснул. Тонкая, едва заметная трещина побежала в стороны, и Милана поспешно шагнула вперед.

Лицо исчезло. На его месте появилось другое — отца.

Богдан смотрел на нее из — подо льда тяжелым, осуждающим взглядом. Таким же, каким смотрел в день свадьбы, когда она стояла на коленях у алтаря, а он отворачивался, чтобы не видеть ее унижения.

— Ты опозорила меня, — сказал он, и голос его был таким же, как в тот день — холодным, стальным, не терпящим возражений. — Я возлагал на тебя большие надежды. Даже младшая сестра оказалась лучше.

— Я не пустая, — прошептала Милана, но слова прозвуч-

чали жалко, неубедительно.

— Тогда где твой зверь? — спросил отец. — Где твоя медведица?

Лед треснул снова — теперь под левой ногой. Трещина была глубже, длиннее, и в нее хлынула черная вода — холодная, липкая, пахнувшая гнилью.

Милана отступила назад, потом сделала два шага вперед, почти бегом, лишь бы уйти от этого голоса, от этого взгляда.

Но лица подо льдом не исчезали.

Они сменяли друг друга — Радогор, его отец, старейшины клана, знахарь, даже мать — все они смотрели на нее и говорили, говорили, говорили:

— Никчемная.

— Пустая.

— Ошибка природы.

— Лучше бы ты умерла...

Лед трескался все сильнее. Трещины разбегались в стороны, соединялись, превращаясь в глубокие проруби, из которых вырывался холодный, могильный дух. Черная вода поднималась, заливая лед, делая его скользким и опасным.

Милана бежала теперь — не шла, а именно бежала, скользя по прозрачной поверхности, уворачиваясь от разверзающихся под ногами провалов. Сердце колотилось где — то в горле, слезы замерзали на щеках, и она уже не понимала, где правда, а где ложь.

Может, они правы?

Может, она действительно никчемная?

Может, зверя в ней никогда и не было?

Может, все, что она чувствовала к Яромиру — просто иллюзия, отчаяние умирающей, хватающейся за последнюю надежду?

Она споткнулась.

Лед под ее правой ногой провалился, и нога ушла в ледяную воду по колено. Милана вскрикнула, пытаясь выдернуть ее обратно, но чья — то рука — холодная, мертвая, скользкая — схватила ее за лодыжку и потянула вниз.

ГЛАВА 10

— Нет! — закричала Милана, падая на лёд. — Отпусти!

Рука не отпускала. Она сжималась всё сильнее, и Милана чувствовала, как ледяная вода поднимается выше, заливая сапог, добравшись до колена.

Она посмотрела вниз.

Из проруби на неё смотрела Мирослава. Взрослая, красивая, с торжествующей улыбкой на губах. В её руках был браслет — тот самый, серебряный, с бусинами из голубого агата и крошечными колокольчиками.

— Ты думала, я отпущу тебя? — спросила Мирослава. — Ты думала, я позволю тебе стать счастливой? Нет, сестричка. Ты останешься здесь. Навсегда.

Она дёрнула Милану за ногу, и та соскользнула ещё на несколько дюймов в чёрную воду.

— Нет, — прошептала Милана, цепляясь за лёд. — Я не останусь. Я вернусь.

— Как? — засмеялась Мирослава. — У тебя нет зверя. Нет силы. Нет ничего. Ты пустая, Милана. Всегда была пустой и всегда будешь.

Чёрная вода поднялась до бедра.

Милана чувствовала, как холод сковывает мышцы, как пальцы немеют, как силы покидают её. Она смотрела на берег — такой близкий и такой недосягаемый — и понимала,

что не доплывёт. Не сможет.

«Всё кончено», — подумала она.

И в этот миг она слышала его.

«Не смей сдаваться»

Голос прозвучал изнутри — тёплый, низкий, уверенный. Он заглушил и шепот Мирославы, и треск льда, и вой ветра.

«Яромир?» — подумала она.

«Я здесь. Закрой глаза»

— Если я закрою глаза, я упаду! — закричала она вслух.

«Ты не упадёшь. Я держу тебя»

Милана закрыла глаза.

И сразу же почувствовала его руки на своей талии.

Сильные, горячие, они обхватили её сзади, прижимая к его груди, к его телу, которое сейчас было где-то далеко, в реальной пещере, но одновременно здесь, рядом

Лёд под ней больше не трескался. Он был целым, прочным, и по его поверхности, отражаясь в прозрачной глубине, текло золото.

Чёрная вода отступила. Рука Мирославы разжалась, и сестра, шипя от злости, ушла в глубину, растворилась во тьме, оставив после себя только рябь на поверхности. Милана снова твердо стояла на ногах.

«Смотри на меня», — сказал Яромир. — «Не на них. Не на прошлое. Только на меня»

Милана подняла голову.

Его глаза горели золотом, руны на теле пульсировали в такт её сердцу, и он протягивал к ней руку — широкую ладонь, сильные пальцы, каждый из которых заканчивался острым, как бритва, когтем.

— Пойдем со мной, — сказал он вслух. Голос разнёсся над озером, заставляя вибрировать сам лёд. — Пойдем, Милана. Я не дам тебе упасть.

И она пошла.

Каждый шаг давался с трудом. Лёд под ногами всё ещё угрожающе трещал, лица под ним всё ещё шептали, всё ещё пытались пробить её решимость. Мирослава плакала, отец кричал, Радогор смеялся, и все они говорили одно и то же:

«Ты не дойдёшь»

«Ты слишком слаба»

«Ты никогда не была достойна»

Но Милана не слушала их. Она слышала только свое дыхание — ровное, спокойное — и биение своего сердца.

«Я сильная», — шептала она себе. — «Я прошла через ад, который мне устроили. Я выжила там, где другие сломались»

Последние десять шагов она почти бежала.

Яромир подхватил её, когда она поскользнулась, и прижал к себе так крепко, что затрещали рёбра. Его руки — почти

реальные — обвилились вокруг её талии, и Милана уткнулась носом в его грудь, вдыхая запах мёда и снега.

— Ты вся дрожишь, — сказал он. — Холодно?

— Нет, — солгала она.

Он усмехнулся — тепло, почти нежно — и провёл ладонями по её спине, растирая замёрзшие мышцы. Милана выгнулась, прижимаясь ближе, и почувствовала, как его пальцы скользят ниже, к пояснице, как они замирают на грани, спрашивая разрешения.

— Яромир, — прошептала она.

— Что? — спросил он, и в его голосе появилась хрипотца.

— Я хочу, чтобы ты остался. Хотя бы ненадолго.

Он наклонился и поцеловал её — медленно, глубоко, так, что Милана забыла, где находится. Его язык скользнул между её губ, и она ответила, вцепившись пальцами в его плечи, чувствуя, как его руки сжимают её бёдра, приподнимая, прижимая к его телу.

— Мы еще на льду, — прошептал он ей в губы.

— Мне всё равно.

Он засмеялся — тихо, гортанно — и опустил ее, через несколько шагов, поставив на твердую почву

Она стояла на противоположном берегу озера, и лёд позади неё был целым и невредимым. Ни трещин, ни прорубей, ни лиц под водой. Только гладкая, зеркальная поверхность, отражающая не пепельное небо, а настоящее — синее, живое, с облаками, которые бежали по нему так быстро, будто

за ними кто-то гнался.

Милана почувствовала жжение в груди, как накануне несостоявшейся свадьбы. Кончики пальцев покалывало, и он посмотрела на свои руки - ногти ее вытянулись и почернели. Она моргнула, и все стало как было.

Девушка вздохнула и еще раз осмотрелась по сторонам.

Впереди, в серой пепельной дымке, виднелся лес — чёрный, мрачный, с деревьями, похожими на скрюченные пальцы.

— Лес Забытых Клятв, — сказал Яромир, и его голос прозвучал уже далеко, будто он уходил обратно, в реальность.

ГЛАВА 11

Жуткое озеро осталось позади.

Милана не знала, сколько времени она брела к чернеющим впереди деревьям. Казалось, прошла вечность — или всего лишь мгновение. В Мире Призраков время текло иначе, растягиваясь и сжимаясь, как резиновый жгут, и Милана давно перестала пытаться его измерить.

И вот она вступила в лес. Милана осторожно шла по чуть заметной тропинке между черными стволами, уворачиваясь от тянущихся к ней ветвей.

Довольно скоро она вышла на небольшую поляну, в центре которой горел костер.

Это был не обычный огонь — пламя было серебристо—белым, почти прозрачным, оно тихо мерцало, освещая пространство вокруг мягким, призрачным светом. В воздухе пахло можжевельником и еще чем — то сладким, подобным медовым пряникам, которые мама пекла на зимние праздники.

Милана приблизилась.

Вокруг костра были разбросаны шкуры, такие же призрачные, как и сам огонь. Ее ноги гудели от усталости, плечи ломило, мокрая одежда тянула вниз, а веки слипались так сильно, что она с трудом открывала их.

— Ты можешь отдохнуть здесь, — раздался голос прабаб-

ки из ниоткуда. — Это место — пристанище для тех, кто проходит испытания. Духи не тревожат путников у костра.

— Сколько у меня времени? — спросила Милана.

— Сколько захочешь. Но помни — в Море Живых время тоже не стоит на месте.

Прабабка замолчала, и Милана осталась одна.

Она опустила на ближайшую шкуру, подтянула колени к груди и закрыла глаза.

И сразу же почувствовала его.

«Ты устала» — голос Яромира прозвучал мягко, почти нежно, и Милана почувствовала, как золотая нить внутри нее натянулась, загудела, приглашая его войти.

«Да» — ответила она. — «Очень»

«Открой глаза»

Она открыла.

Он сидел напротив нее, по ту сторону костра. На нем была только тонкая льняная рубашка, расстегнутая до пояса, и кожаные штаны, заправленные в высокие меховые сапоги. Почти настоящий, живой и только горящие руны на его груди напоминали, что это все не совсем реально.

— Как ты... — начала она.

— Не знаю, — ответил он, и его голос звучал так же реально, как и его тело. — Наверное, это место особенное. Грань между нашими мирами здесь тоньше, чем где-либо.

Он пересел к ней, и Милана почувствовала живое тепло его тела.

— Иди сюда, — сказал он, раскрывая объятия.

Она не заставила себя упрашивать. Милана придвинулась ближе и уткнулась носом в его грудь, вдыхая запах меда и снега. Его руки бережно обвились вокруг нее.

— Расскажи мне что — нибудь о себе, — попросила она.

— Я устала думать об испытаниях.

— Что ты хочешь знать? — спросил он, поглаживая ее по спине широкими, успокаивающими движениями.

— Все, — ответила она. — Как ты жил, когда был зверем. Кем ты стал, кто ты сейчас.

Он помолчал, собираясь с мыслями. Пламя костра мерцало, отбрасывая танцующие тени на его лицо.

Он не заговорил сразу — вместо этого поцеловал ее шею, медленно, всасывая кожу, проводя языком по гулкому пульсу. Милана выгнулась, вцепившись ему в плечи, и почувствовала, как его руки скользнули ниже, к талии, сжали ее так, что мир поплыл.

— Сначала была только боль, — начал он глухо, между поцелуями. — Когда шаманы закончили, я лежал в снегу и не мог двинуть ни лапой, ни хвостом. Печать жгла мышцы при каждом вдохе. Я думал, что умру. И молил об этом.

Милана ахнула и вцепилась в него крепче.

— Но я был слишком силен, чтобы так просто умереть, — усмехнулся он, но усмешка вышла горькой.

Он замолчал, и Милана почувствовала, как он еще крепче обнимает ее.

— Медвежье тело — оно другое, — продолжил он тише. — Сильнее и выносливее. Человеческая речь уходит первой. Потом — человеческие мысли. Остаются только инстинкты: голод, холод, страх, ярость. Я боролся с этим годами. Каждое утро, просыпаясь в берлоге, я мысленно называл свое имя. Яромир. Яромир. Яромир из Белого Клана. Повторял и повторял бесконечно.

— Как это ужасно, — прошептала Милана.

— Ты права, — ответил он, и в голосе его прозвучала такая тоска, что у нее сжалось сердце. — Были дни, когда я просыпался и не понимал, кто я. Смотрел на лапы — медвежьи. Смотрел в лужу — медвежья морда. И думал: «Я зверь». А потом приходила ночь, и человеческая тоска возвращалась. Я рычал и катался по полу пещеры, пытаюсь обернуться, но ничего не получалось.

Он взял ее руку и прижал к своей груди, туда, где под ключицей виднелись неровные шрамы от когтей.

— А волшебную яблоню я нашел на третье лето своего изгнания, — сказал он. — Брел по горному хребту, обессиленный и отчаявшийся, готовый лечь и больше не вставать. И вдруг почувствовал дивный аромат.

— Какой? — выдохнула Милана.

— Как ты сейчас, — ответил он, глядя ей в глаза. — Мед и снег. Я свернул с тропы, продираясь сквозь колючий кустарник, не чувствуя, как ветки рвут кожу. И вышел на поляну, устланную изумрудной травой, где росло необычное де-

рево. У него был серебряный ствол и золотые листья, а посреди кроны — одно — единственное яблоко. Оно светилося изнутри, как маленькое солнце.

— И ты его сорвал? — спросила Милана.

— Сначала пытался, — усмехнулся он. — Прыгал, карабкался, рычал от злости. Дерево не подпускало — ветви хлестали по морде, корни вылезали из земли, чтобы сбросить меня. А потом я... успокоился. Сел под деревом и просто смотрел на это яблоко. Так долго, что заснул.

Он замолчал, и Милана почувствовала, как его пульс участился.

— И тогда мне приснился древний шаман, о котором нам в детстве рассказывали сказки, — сказал он. — Он сказал, что всему свое время, что я пойму, когда золотое яблоко мне действительно понадобится. И тогда я почувствовал...

— Что ты почувствовал? — прошептала Милана.

— Тебя, — ответил он, и в его глазах вспыхнуло что-то — то первобытное.

— Не тебя настоящую — я тогда не знал, что ты существуешь. Но я почувствовал, что где-то есть кто-то, ради кого стоит оставаться человеком... Этот сон дал мне надежду. И еще он дал мне...

Он взял ее руку и переплел их пальцы — и Милана ахнула, потому что между их ладонями замерцала тонкая золотая нить, та самая, что всегда соединяла их.

— Вот это, — сказал Яромир. — Связь. Яблоко показало

мне ее. Я тогда не понял, что это такое. Думал — галлюцинация. Но нить не исчезала. Тянулась куда — то на юг, сквозь горы и леса. И я стал ждать.

— Ты ждал меня? — спросила Милана, чувствуя, как к глазам подступают слезы.

— Да, — подтвердил он. — Я ждал, потому что нить становилась ярче с каждым месяцем. А потом я наткнулся на твой след там, на берегу...

Он притянул ее к себе и нежно поцеловал, вкладывая в этот поцелуй все годы своего одиночества.

— Теперь ты знаешь, — прошептал он ей в губы.

Милана всхлипнула и обхватила его лицо ладонями.

— Расскажи еще, — попросила она. — Я хочу знать всё.

Яромир вздохнул, устраиваясь поудобнее на шкурах, и прижал ее к себе так, что она оказалась лежащей у него на груди — головой под подбородком, ногами, переплетенными с его ногами.

— Самое страшное, что быть медведем намного проще, чем человеком, — начал он, и его голос загудел где — то над ее макушкой. — Ты просто хочешь есть — и лапы сами несут тебя к лосю. Ты хочешь пить — и нюх находит родник за версту. Опасно другое.

— Что? — спросила Милана, проводя пальцами по его груди.

— Привыкнуть, — ответил он. — Перестать хотеть быть человеком. Поэтому каждую ночь, прежде чем уснуть, я де-

лал одно и то же.

— Что?

— Считал имена, — сказал он. — Всех, кого любил. Отец и мать, брат и сестры. Считал тех, кого я убил... И еще думал о тебе — твое имя я не знал, поэтому называл тебя просто «Та, которая ждет». Каждую ночь. Тысячу ночей подряд. Чтобы не забыть, что такое быть человеком.

Милана не выдержала — слезы хлынули из глаз, и она разрыдалась, уткнувшись ему в шею.

— Тише, тише, — прошептал он, поглаживая ее по спине широкими, спокойными движениями. — Я рассказал это не для того, чтобы тебя расстроить.

— А тебе снились сны? — спросила она сквозь всхлипы.

— Только в той пещере, куда я принес тебя, — ответил он. — Обычно я сворачивался клубком у алтаря, закрывал глаза и слушал, как за стенами воет ветер. И тогда мне снились сны — человеческие. Я просыпался и плакал от того, что они кончаются.

— О чем были сны? — прошептала Милана.

— О доме, — тихо сказал Яромир. — О матери, которая печет хлеб. О брате, который дразнит меня за ужином. О девушке с длинными черными волосами и глазами, как омут, которую я еще не встретил, но уже полюбил.

Милана подняла голову и посмотрела на него — в его глазах стояли слезы, такие же, как у нее.

— Это была я, — сказала она. — Ты видел меня во сне?

— Каждую ночь, — ответил он. — Только не знал, что ты — настоящая. Думал, это мое безумие. А потом ты пришла в пещеру, и я понял: это не сон. Это моя судьба.

Он перевернул ее на спину, навис сверху, опираясь на локти, и посмотрел так, что у Миланы перехватило дыхание.

— Твой зверь спит, — сказал он. — Но он не мертв. Я чувствую его — теплый, свернувшийся клубочком где— то глубоко внутри тебя. Он боится выходить, обижен, что его посадили в клетку...

— Откуда ты знаешь? — прошептала она, касаясь его щеки.

— Я просто чувствую это, — ответил он, накрывая ее губы поцелуем. — Мы связаны, Милана. Навсегда.

Костер тихо потрескивал, отбрасывая танцующие тени на их сплетенные тела. Милана закрыла глаза и впервые за очень долгое время позволила себе расслабиться.

И где— то глубоко внутри нее, в самом темном и потайном уголке души, что— то шевельнулось. Она счастливо вздохнула и начала рассказывать свою историю: про позор, изгнание и то, как сестра заняла ее место.

— В ту же ночь, — кивнула Милана. — Они ушли в покои молодоженов, а меня бросили в темницу. А на рассвете отправили на Медвежьи острова — умирать в одиночестве.

Она замолчала. Рассказ занял у нее меньше времени, чем она ожидала, но внутри все кипело — боль, обида, злость.

— Я не знала про браслет... Помнишь, который ты со-

рвал, — в заключении добавила она.

— Думала, это подарок любящей сестры. А оказалось — клетка. Она запечатала моего зверя, чтобы он никогда не проснулся. Чтобы я всегда оставалась пустой.

Яромир слушал молча. Его рука, лежавшая на ее спине, сжалась в кулак.

— Ты сильная, — сказал он. — Сильнее, чем думаешь.

— Я не чувствую себя сильной, — призналась она. — Я чувствую себя сломленной.

— Сломанное можно починить, — ответил он. — Пустое — наполнить. Твой зверь не умер, Милана. Он просто спит... Знаешь, я думаю, что если легенды не врут, и мы всегда были связаны, то не вытянула ли тогда вспышка моей силы часть твоей? Поэтому медведице и тяжело было пробудиться? Да еще этот проклятый браслет... Я почувствовал его черную магию еще до того, как увидел тебя... Странно, что на церемонии обручения ваш колдун ничего не заметил... Но теперь, раз я вернул человеческий облик, то и твой зверь обязательно придет к тебе...

ГЛАВА 12

Пламя костра мерцало, отбрасывая золотистые блики на его лицо, на его руки, на его грудь. Милана не могла отвести взгляд от его красивого, мужественного лица.

— Ты так смотришь на меня, — сказал он, и уголки его губ приподнялись в легкой улыбке.

— Ты красивый, — ответила она просто. — Я никогда не видела таких, как ты.

— Потому что таких, как я, больше нет, — рассмеялся он. — Я последний из Белого Клана, кто носит древнюю кровь. Мой брат... его зверь слабее. Он не прошел через то, что я.

— Ты имеешь в виду ваш родовой дар?

— Да, — сказал Яромир. — Берсеркский гнев передается по крови, обычно раз в поколение рождается одаренный ребенок. Но уже давно это не проявлялось ни в ком так ярко.

Он протянул руку и осторожно убрал прядь волос с ее лица. Его пальцы задержались на щеке, поглаживая скулу, и Милана почувствовала, как ее тело отвечает на это прикосновение. В груди разлился жар, пробежал дрожью по позвоночнику. Она прижалась ближе.

Он наклонился и поцеловал ее.

Это был нежный, долгий поцелуй, как будто у них впереди была целая вечность.

Его губы скользили по ее, мягко, настойчиво, и Милана

чувствовала, как ее тело плавится, как пальцы сами собой вцепляются в его рубашку, как она притягивает его ближе, ближе, еще ближе.

Он углубил поцелуй, и Милана застонала — тихо, почти беззвучно, но он услышал.

— Ты краснеешь, — прошептал он, отрываясь от ее губ.
— Я чувствую жар твоих щек даже здесь, в Мире Призраков.

— Это ты виноват, — ответила она, пытаясь отдышаться.

— Знаю, — усмехнулся он. — И мне это нравится.

Он поцеловал ее снова — в уголок губ, в щеку, в шею, в ключицу. Милана выгнулась, прижимаясь к нему всем телом, и почувствовала, как его дыхание сбивается, как его руки скользят по ее спине, прижимая ближе.

— Яромир, — прошептала она.

— Что? — спросил он, не отрываясь от ее шеи.

— Я хочу...

Она не договорила. Он поднял голову и посмотрел на нее так, что Милана забыла, что хотела сказать.

— Знаю, — ответил он, тяжело дыша. — Я тоже. Но не здесь и не сейчас...

— Почему? — спросила она, и в ее голосе прозвучало разочарование.

— Потому что когда я буду любить тебя, — сказал он, — я хочу, чтобы это было по— настоящему. Не в Мире Призраков, а там, где мы оба будем живыми, настоящими и свободными.

Он медленно провел пальцами по ее губам.

— Когда ты вернешься, — прошептал он, — я не отпущу тебя, клянусь. Я буду любить тебя каждую ночь. Каждое утро. Каждый миг, который нам дадут боги. Я буду целовать тебя, пока ты не забудешь свое имя. Я буду шептать твое имя, пока не охрипну. Я сделаю тебя самой счастливой женщиной на всех северных землях. Клянусь своей кровью, своей душой, своим зверем.

У Миланы защипало в глазах.

— Обещаешь? — спросила она.

— Конечно, — ответил он.

Она прижалась щекой к его груди, слушая, как бьется его сердце — ровно, сильно, успокаивающе. Его рука нежно гладила ее по, и Милана чувствовала, как напряжение уходит, как мышцы расслабляются, как веки тяжелеют.

— Поспи, — сказал он. — Я посторожу.

— А испытание... — начала она.

— Испытание подождет, — перебил он. — Ты заслужила отдых.

Милана хотела возразить, но слова застряли в горле. Тепло его тела, мерцание костра, ровный стук сердца — все это убаюкивало, погружало в дремоту, из которой не хотелось возвращаться.

Она закрыла глаза.

— Я вернусь к тебе, — прошептала она, уже засыпая.

— Я буду ждать, — ответил он.

Она провалилась в сон — глубокий, теплый, без сновидений, и впервые за долгое время ей не снились ни кошмары, ни тени, ни предательства.

Только золотой свет и его голос, шепчущий ее имя.

Она проснулась от того, что костер погас.

Серебристо— белое пламя исчезло, оставив после себя только тлеющие угли и запах можжевельника. Шкуры вокруг нее были пусты — Яромир ушел, растворился в сером рас свете Мира Призраков.

Милана поднялась на ноги, потянулась, чувствуя, как силы вернулись в тело. Она была готова идти дальше.

«Я с тобой», — раздался его голос в ее сознании.

«Всегда», — ответила она.

Она шагнула вперед, туда, где за поляной начиналась тропа, ведущая в самую чашу.

Но едва она ступила на тропу, как из воздуха материализовалась прабабка. На этот раз она была не одна — с ней стояли две другие тени. Их лица были суровыми, а глаза пустыми, как у всех обитателей этого мира.

— Ты отдохнула, дитя, — сказала прабабка. — Теперь слушай. Второе испытание будет труднее первого.

— Я готова, — ответила Милана.

— Ты так думаешь, — усмехнулась одна из теней. — Зеркальный Лед проверял твою веру в себя. Лес Забытых Клятв проверит твою способность отличать правду ото лжи.

— Что я должна сделать? — спросила Милана.

— В центре леса растет Древо Клятв, — объяснила прабабка. — На его ветвях висят тысячи серебряных нитей, каждая из которых — чья — то нарушенная клятва. Твоя задача — найти среди них клятвопреступника, чья ложь навредила тебе больше всего.

— Клятвопреступника? — переспросила Милана и почувствовала, как ее сердце забилось быстрее. — И что я должна сделать с ним? — спросила Милана, и в ее голосе зазвенела сталь.

— Ты должна найти его тень в этом лесу, — ответила прабабка. — И сразиться с ним.

— А если я не захочу сражаться? — спросила Милана.

— Тогда ты никогда не выйдешь из этого леса, — жестко ответила тень. — Твоя обида, твоя боль, твоя жажда справедливости будут держать тебя здесь вечно. Ты станешь одной из нитей на ветвях Древа.

Прабабка шагнула ближе и положила полупрозрачную руку на плечо Миланы.

— Ты готова, дитя, — сказала она. — Твое сердце очистилось у костра. Твоя связь с изгнанником дала тебе силу. Теперь ты должна доказать, что достойна этой силы.

— Как я найду его? — спросила Милана.

— Иди по тропинке, она выведет, — ответила прабабка, и тени исчезли.

ГЛАВА 13

Деревья здесь не походили на обычные.

У них не было коры — только гладкая, серая, похожая на человеческую кожу поверхность, на которой кое— где проступали вены — толстые, синие, пульсирующие. Ветви изгибались под неестественными углами, и на каждой ветке висело по серебряной нити. Нити звенели — тонко, жалобно, будто оплакивали кого— то, кто давно умер.

— Лес Забытых Клятв, — произнесла прабабка, появляясь из ствола ближайшего дерева. Ее лицо было бледнее обычного, а глаза — пустыми. — Здесь хранятся все обещания, которые когда— либо давали люди и не сдержали. Каждая нить — чья— то нарушенная клятва.

— Сколько их? — спросила Милана, оглядывая бескрайний лес.

— Бесконечность, — ответила прабабка. — Люди часто обещают, да редко выполняют.

Лес окружил ее шепотом. Серебряные нити тянулись к ней, касались плеч, рук, лица, но Милана отстранялась, не позволяя им обвиться. Она знала, что каждая нить — это ловушка, обещание, которое кто— то не сдержал.

Милана сжала кулаки и пошла быстрее.

Звон становился громче.

Она вышла на поляну, в центре которой росло Древо

Клятв. Оно было огромным — выше любого дерева, которое Милана видела в своей жизни. Его ствол был толщиной в десять обхватов, а ветви уходили так высоко, что терялись в сером небе.

На каждой ветке висели нити. Тысячи. Миллионы. Они печально звенели, и в этом звоне Милана слышала голоса.

Но один голос был громче всех.

— Милана, дочь Богдана, — услышала она. — Какая встреча.

Из— за дерева вышел знахарь.

Помолодевший и полный сил, он с насмешкой смотрел на ее удивленное лицо.

— Я не понимаю, почему ты здесь? — спросила Милана.

— Глупая девчонка, — рассмеялся знахарь. — Здесь все, кто нарушал свои клятвы.

— Ты клялся служить моему роду, — сказала Милана, делая шаг вперед. — Ты обещал хранить мою судьбу. Что ты сделал? Ты как— то связан с моей сестрой?

— Она заплатила, — усмехнулся знахарь. — Милая, сладкая Мирослава, она так хотела стать женой вождя... А твоя судьба... что судьба одной пустышки для старого колдуна?

— Ты подсказал моему отцу мысль об изгнании, — продолжала Милана, делая еще один шаг. — Ты предложил заменить меня на Мирославу. Ты знал о браслете — и промолчал.

— Знал, — согласился знахарь. — И что с того? Ты все

равно была пустой. Браслет только закрепил то, что уже было.

— Ложь, — выкрикнула Милана. — Я знаю, что моя медведица просыпается!

Знахарь замер. Его мутные глаза расширились.

— Ты не должна была этого узнать, — прошептал он.

Он шагнул ближе, и Милана почувствовала запах — гниль и разложение.

— Но я не все тебе рассказал, — сказал он, и его мутные глаза вдруг блеснули. — Хочешь узнать, почему я не предупредил тебя о браслете? Почему не сказал Радогору, что ты не пустая, а запечатанная?

— Говори, — выдавила Милана.

— Потому что ты сама меня соблазнила, — ответил знахарь.

Милана замерла.

— Что? — переспросила она.

— За две недели до свадьбы, — сказал знахарь, и его голос стал вкрадчивым, маслянистым. — Ты пришла ко мне в хижину. Сказала, что боишься. Что хочешь, чтобы я помог тебе. А потом... потом ты сняла платье.

— Этого не было, — твердо сказала Милана. — Я никогда не приходила к тебе.

— Было, — настаивал знахарь. — Ты была такой красивой, Милана. Молодое тело, нежные губы... Ты просила меня научить тебя древним заклинаниям. Ты обещала, что бу-

дешь моей, если я помогу тебе разбудить зверя.

Он облизнул губы — сухие, потрескавшиеся, отвратительные.

— И я помог. Не так, как ты просила, но помог, чтобы ты не мучилась. Чтобы ты не ждала того, кто никогда не придет.

— Ложь, — прошептала Милана, но в груди что-то кольнуло — сомнение.

Голова у Миланы гудела, перед глазами мелькали темные круги, она даже не почувствовала, как серебряная нить обвивается вокруг ее шеи. В ушах зазвенело...

А вдруг это правда? А вдруг она действительно пришла к нему, а потом забыла? А вдруг она сама виновата в том, что стала пустой?

— Правда, — хохотал знахарь. — Смотри сама...

Она увидела себя в хижине знахаря, как развязала ворот белой льняной сорочки, и она упала к ее ногам. Как улыбнулась похотливо смотрящему на нее колдуну, оглаживающему ее груди. Как провела пальцами по внутренней стороне своего бедра и прерывисто вдохнула. Ее пальцы двигались быстрее, все настойчивее, она закусил губу, чтобы не застонать...

«Не верь ему» — раздался голос бабки — слабый, далекий, но полный ненависти. — «Он пытается подменить тебе воспоминания. Этого не было»

— Откуда ты знаешь? — прошептала Милана, в ужасе наблюдая за собой со стороны. Колдун откинул голову назад,

его кадык дернулся, и он застонал, когда другая она встала на колени, подняла на него зеленые глаза и провела языком по низу его живота.

«Я должна доказать способность отличать правду от лжи... Истинная связь не терпит лжи. — твердила себе Милана, как заклинание. — Если бы я продала себя этому развратнику, никогда не встретила бы своего истинного...

Это все ложь... Но как... Ее глаза... У меня не зеленые глаза!»

Милана подняла голову и посмотрела знахарю в глаза.

— Ты лжешь, — сказала она спокойно, без тени сомнения. — Я никогда не приходила к тебе. Ты просто хочешь, чтобы я поверила в эту грязь, потому что тогда я сломаюсь. Но я не сломаюсь.

Знахарь зашипел, и его лицо исказилось.

— Не сложно заменить в фантазиях одну сестру на другую... Ты пожалеешь, что раскусила мой обман, — прохрипел он. — Ты никогда не выйдешь из этого леса. Твоя сестра будет править. Твой жених будет счастлив с ней. А ты сгниешь здесь, среди забытых клятв, и никто не вспомнит твоего имени.

Он протянул руку, чтобы схватить ее.

ГЛАВА 14

Воздух затвердел, превратившись в хрусталь. Каждый вдох резал легкие Миланы, а серебряная нить на ее шее душила, вгрызаясь в кожу, как бешеная змея. Девушка рванула ее рукой, оставляя на пальцах кровавые полосы.

— Прочь, — голос Миланы звучал твердо. — Я не твоя добыча.

Колдун рассмеялся — сухим, скрежещущим смехом, от которого осыпалась кора с ближайших деревьев. Он взмахнул посохом, и из навершия вырвалось черное пламя. Оно ударило в землю в двух шагах от Миланы, которая еле успела отскочить.

— Я не боюсь смерти, глупая девочка, — его голос гремел над поляной, заставляя дрожать ветви Древа Клятв. — Я боюсь, что мир проснется. Потому что в новом мире для таких, как я, нет ни алтарей, ни жертв. Мы нужны только там, где льется кровь, рушатся клятвы и гниют души. А ты... ты несешь свет и надежду. Ты — то, что испепелит нас дотла.

Он вскинул посох над головой, и небо над поляной раскололось. Из трещины хлынуло черное сияние, питая его магию.

— Я перепишу пророчество своей волей! — заревел знахарь. — Ты не соединишься с изгнанником. Ты не подаришь миру новую кровь. Ты умрешь здесь, и твоя нить повиснет

пустым напоминанием тем, кто посмеет мечтать!

Он ударил.

Из посоха вырвалась стая змей, и они рванулись к Милане, сжигая воздух. Девушка кувыркнулась назад, чувствуя, как жар слизывает волосы с виска. Первая змея впилась в дерево за ее спиной, и оно превратилось в уголь за одно мгновение, рассыпавшись фейерверком искр.

Он еще раз взмахнул посохом, и все нити Древа Клятв — тысячи серебряных струн — сорвались с ветвей одновременно. Они обвили Милану, подняв в воздух, как куклу. Нити впивались в тело, высасывая силы и вырывая воспоминания.

— Смотри, — прошептал знахарь, подходя ближе. Его глаза горели двумя черными солнцами. — Смотри, как умирает ваша истинная любовь.

Он создал иллюзию — и Милана увидела Яромира. Он стоял на коленях перед ее сестрой, и та смеялась, вонзая кинжал ему в грудь.

— Нет, — прошептала Милана, и слезы замерзали на ее щеках.

— Он предаст тебя, — ласково сказал колдун. — Как предавали все...

— НЕТ!

Крик Миланы расколол иллюзию на миллион осколков. Внутри нее проснулось что-то древнее и яростное, то, что дремало под слоями страха и сомнений. Ее глаза вспыхнули серебром, и серебряные нити, державшие ее, начали пла-

виться.

— Ты лжешь, — голос Миланы звучал уже не по— человечески. В нем слышался рев пробуждающегося хищника. — Он — моя вторая половина. Моя кровь и моя душа. И ты, гнилой червь, не смеешь даже думать о нем!

Она рванулась — и нити лопнули, как паутина. Десятки, сотни, тысячи струн разорвались с таким звоном, будто были сделаны из стекла. Милана упала на землю, но тут же встала, распрямившись, и шагнула к колдуну.

— Твоя магия — ложь, — сказала она, и каждое ее слово заставляло воздух вибрировать. — Ты питаешься страхом. А я знаю правду.

Знахарь попятился. Впервые в его глазах мелькнуло нечто, похожее на ужас.

— Какую правду? — прохрипел он.

— Ты никогда не служил моему роду, — Милана шла вперед, и под ее босыми ногами распускались серебряные цветы. — Ты служил своей жадности. Ты боялся не пророчества — ты боялся, что станешь никем. Ты запечатал моего зверя не ради равновесия — ты завидовал его силе.

— Замолчи! — закричал колдун, ударив посохом.

Из земли вырвался черный смерч, полный осколков костей и обрывков клятв. Он рванулся к Милане, чтобы разорвать ее в клочья.

— Нет, — девушка вытянула руку ладонью вперед и смерч развеялся.

— Твое время кончилось, — сказала Милана.

Она шагнула к Древу Клятв и увидела нить, связывавшую знахаря с деревом. Толстая, гнойная, пульсирующая, как артерия больного сердца, от нее пахло предательством и смертью.

— Не смей! — заверещал колдун, пытаясь вырваться, но нить держала его мертвой хваткой. — Если ты разорвешь ее, я исчезну из всех миров!

— Так тому и быть, — ответила Милана.

Она схватила нить обеими руками. Та забилась, как змея, впиваясь в ладони, разрезая кожу, но Милана не отпустила.

— Ты клялся служить — и предал. — Она потянула. — Ты клялся хранить — и разрушил. — Нить зазвенела. — Ты клялся быть честным — и лгал до последнего своего вздоха.

Колдун кричал. Его тело начало мерцать — то становясь плотным, то исчезая.

— Ты пожалеешь! — выл он, рассыпаясь. — Твоя сестра носит твою смерть за пазухой! Пророчество не сбудется! Мы с госпожой позаботились об этом!

— Какая госпожа? Что ты сделал?! — закричала Милана, но было поздно.

Нить лопнула. Звук разорванной реальности ударил по лесу. Дерево Клятв содрогнулось до корней, и ветвь, на которой висела судьба знахаря, взорвалась, разлетевшись серебряными осколками. Колдун замер на миг, глядя на Милану глазами, полными ненависти и неожиданного облегчения.

— Теперь я свободен, — прошептал он и рассыпался в прах, который тут же сожрал черный ветер.

Тишина накрыла поляну. Лес замер, будто боялся дышать.

Милана упала на колени. Руки были изрезаны в кровавое месиво, серебряные нити на шее больше не душили.

«Ты победила», — прозвучал голос прабабки.

— Он сказал, что пророчество не сбудется, — прошептала Милана, глядя в черное небо. — Что он сделал?

Тишина.

— Что он сделал?! — закричала она в пустоту.

Но ответа не было.

Только тропа, ведущая к Чаше Предков, мерцала впереди серебряным светом.

Милана встала, зажимая кровоточащие ладони. Лес раступался перед ней, но она больше не чувствовала триумфа.

И где— то далеко, в доме ее сестры, кто— то засмеялся, глядя на пустую колыбель, приготовленную для еще нерожденного наследника.

ГЛАВА 15

Тропа привела Милану к подножию холма, на вершине которого стояла огромная Чаша, высеченная из черного камня. Семь потоков стекали с нее вниз, каждый своего цвета: серебряный, золотой, алый, желтый, синий, белый и черный. У подножия они сливались в один ручей, который петлял между камнями и уходил в землю. Милана опустилась на колени, омыла в ручье свои израненные ладони — и раны затянулись у нее на глазах. Она умыла лицо, напилась студеной воды и почувствовала, как усталость уходит из тела, а тревоги тают в груди, будто их и не было.

— Чаша Предков, — прошептала она. — Последнее испытание.

Она ступила на тропу, ведущую наверх. Каждый шаг давался тяжело

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.